

Высоко над Аманом, на горе Таникетиль, Манвэ Сулимо, Владыка воздуха и неба, gazed upon the world. Он был облачен в голубые одежды и держал в руках сапфировый скипетр. Рядом с ним находилась его супруга Варда, Королева Небес. Когда она была рядом, Манвэ мог видеть самые удаленные уголки мира и слышать каждый звук. Он остановился и взглянул на свой скипетр, сделанный для него Сольдором. Ах, Сольдор! Самый изобретательный из эльфов, когда-либо ступавших по земле. Друзья Валы Ауле, они учились у него своему ремеслу. Все было хорошо в Амани в те дни, вспоминал Манвэ, пока Феанор не создал Сильмариллы. Феанор, несомненно, был величайшим из Эльдар, когда-либо живших. Феанор, чье мастерство превосходило даже искусство Ауле. Феанор, чья работа была неподражаемой. Манвэ скорбел, вспоминая смерть Финвэ, отца Феанора, и кражу Сильмариллов Морготом. В ответ на эту вопиющую несправедливость Феанор отправился с Сольдором в безрассудный поход в Средиземье, чтобы вернуть Сильмариллы и отомстить Морготу, но в итоге потерял свою жизнь. После пятисот лет кровопролитных битв и гибели тысяч благородных эльфов удалось вернуть лишь один Сильмарилл, который теперь сияет на небе вместе с моряком Эарендилом. Бесчисленные жертвы были принесены... Среди величайших, кто когда-либо жил, погибли Феанор, Финрод, Хурин, Турин, Берен... Горе было свежо. После войны многие из Колддор вернулись в Аман, а для Эдайн, верных людей, Нуменор восстал из моря — земля даров. Но после пленения и "смерти" Моргота его слуга Саурон попытался продолжить завоевания своего господина. Саурон привел к разрушению великую цивилизацию Нуменора, и сотни тысяч эдайн погибли в этой хаотической свалке. Сегодня нуменорскую кровь редко можно встретить в Гондоре и на Севере, но в Рохане живут эдайнцы. Затем Саурон был повержен Исилдуром и великой армией эльфов и людей — Последним Союзом. Манвэ надеялся, что это приведет к миру, но снова ошибся, и это печалило его. Исилдуру не удалось уничтожить Кольцо, и Саурон так и не был уничтожен. Его слуга Ангмар развязал войну на Севере, и последняя капля нуменорской крови почти иссякла, а род королей надолго прервался. И вот печали Моргота свершились, и с начала времен не было мира в мире, и не будет, пока не разразится великая война, которая положит конец всем войнам. Саурон снова восстал — это Манвэ знал. Он воскрес шестьдесят лет назад и собрал армию на юге Гринвуда. Но Саурона одолел Белый Совет: мудрый Элронд, прекрасная Галадриэль, Курунир — известный людям Средиземья как Саруман — и его собственный Майя Олорин, известный как Гэндальф. Манвэ осознал, что Саурон не был уничтожен Белым Советом; его лишь пугали. Саурон восстанет вновь, и когда это произойдет, он вернется в Мордор. При этой мысли Манвэ вновь обратил свой взор на Мордор; в последнее время он часто наблюдал за ним. Он видел то же, что и всегда, когда искал там... тень на покрытой пеплом, каменистой равнине Мордора, и больше ничего. Но теперь что-то казалось иным. На этот раз тень не была обычной. Когда он вновь попытался увидеть сквозь эту тень, его взгляд был прегражден. Никогда прежде его взор не сталкивался с преградой, и не должен был сейчас. Манвэ знал, что Саурон был непостижимо искусным колдуном, но он никогда не мог предположить, что темная Майя, сейчас уже ослабленная, будет достаточно могущественной, чтобы окутать весь Мордор своим могуществом. Теперь Манвэ осознал, что всё это было иллюзией; темный саван, созданный Сауроном, чтобы отгородиться от нежелательных взглядов. Манвэ собрался с силами и вновь попытался пробить эту завесу, но Саурон был учителем темных искусств, обученным самим Морготом. Магия, использованная для создания Тени, была тонко наслоена на протяжении многих веков; Манвэ не мог в одиночку пробить этот саван тьмы. Он вышел из своего транса и взял Варду за руку. — Жена моя, что-то шевелится в Мордоре, что-то злое, сверх меры. Это не сулит ничего хорошего людям Средиземья. — Муж, что же там шевелится в Мордоре? — Это скрыто от моего зора, затуманено темной магией, и именно поэтому я обращаюсь к тебе за помощью. Я боюсь, что Саурон затуманил мое зрение, и это мгновение я не могу пронзить. Присоединись ко мне, Варда, дай мне свою силу, и я пронжу эту тень. Ведь именно тебя Моргот боялся более всего из Айнури; Саурон тоже не сможет противостоять тебе. Затем Варда соединилась с Манвэ, и, наполнившись силой, Манвэ направил свой взор на Тень, сразился с

темной магией, подчинил её себе и полностью одолел Тень... сломив темную магию, которая противилась веками. И в Мордоре, в Барад-Дюре, темная фигура была брошена через палату, и большая часть её силы покинула её в одно мгновение. Тогда он понял, что его планы более не являются тайной; и поскольку секрет больше не был с ним, он осознал, что должен действовать сейчас. То, что он замышлял на протяжении тысячелетий, начиная с его поражения от рук Последнего Союза, за которым стояли Элендил и Гил-Галад, должно было начаться теперь. Он понес незначительные потери во время падения Ангмара и изгнания из Дол-Гулдура, но на этот раз он не потерпит поражения. Гондор, Рохан, Лотлориен, Мирквуд, Ривенделл... все они падут перед ним. Настало время начать его бой за дело. Манвэ издал крик от того, что увидел. Он увидел огромную армию, сотни тысяч человек, готовящихся к войне. Он наблюдал, как куются доспехи и оружие, как обучаются солдаты. Манвэ увидел множество орков, и его охватила ярость. Орки были созданы впервые, когда Моргот, всегда стремившийся осквернить всё хорошее, захватил эльдар, самых чистых и благородных существ, созданных Эру, и превратил их в мерзость. Этот поступок Эру Илуватар, Создатель, счел самым отвратительным. Однако самым ужасным из всего, что он видел, было здание Барад-Дюр и Око Саурана, осматривающее скалистое побережье Мордора. Он понял, что Саурон снова в полную силу и что он стремится захватить всё Средиземье. Манвэ осознал это и опечалился. Он задумался о бесчисленных тысячелетиях труда и страданий, потраченных на создание всего хорошего в этой земле. Саурон хотел уничтожить всё это, так же, как это сделал его хозяин. У Манвэ не было другого выбора. Средиземье нуждалось в помощи. Они были в меньшинстве, а Мордор был неприступен при тех силах, что имели. Ничего не добиться, и Саурон вложил часть своего разума в Единое Кольцо. Тогда Манвэ ушел в себя, глубоко в своё сердце и разум, и стал размышлять над волей Эру Илуватара. Долгое время он размышлял, прислушиваясь к себе и ища ответ, пока в тишине его внутреннего мира не зазвучал шепот — тонкий, но мощный. Этот шепот нарастал, становясь всё мелодичнее и богаче, пока он не осознал, что Великая Музыка вновь изменяется, и Воля Эру открывает ему путь вперед. Подобно нерушимой золотой нити, звучащей эхом, но не рвущейся, воля Эру светила в его сердце, успокаивая его. Он снова раскрыл глаза, твердо став на путь, который был ему предназначен. Единственным решением было уничтожить Кольцо, но для этого требовалось завоевать всё Средиземье. После тысячелетий разрушений и страданий те, чьи предки принесли гибель, будут призваны по имени, чтобы спасти его, даже если сами они об этом не догадываются. Первыми будут призваны люди, ведь это была их великая война. Но человек не мог спасти Средиземье в его нынешнем состоянии. Воля Эру призывала кого-то иного — человека, чьи сородичи всё еще сражаются в этой битве на своих землях. Он пошлет им чемпиона. — Эонве! — воззвал Манвэ к своему герольду. — Приведи мне Ирмо! Быстро!